

— Что вы ощутили, встретившись с Люси Обрак, которую вам предстояло играть?

— Меня поразила энергия, исходящая от этой женщины. В 84 года она по-прежнему сильна духом, невероятно эзгантна, у нее ясный ум, и когда она входит в комнату, кажется, что ею заполняется все пространство. Я влюбилась в ее простоту и ясность. Она всегда четко определяет, что хорошо, а что плохо. Когда она боролась за спасение мужа, ей пришлось пойти на переговоры с гестапо, но она ухитрилась не изменить своему делу, сохранить цельность.

— Вы пытались изменить внешность, чтобы больше быть похожей на молодую Люси Обрак?

— Нет. Я говорила с ее друзьями, они признались, что в молодости все были в нее влюблены. Это было до войны, она была студенткой, которая подрабатывала разносом коммунистических журналов. Она была очень красива и умела этим пользоваться. Она говорила громко и уверенно, подчеркивая свою независимость. Я постаралась построить рисунок роли именно на этих воспоминаниях, и не задумываться, голубые или зеленые глаза у Люси.

— Известно, что Клод Берри начал снимать фильм с Жюльетт Бинош в роли Люси, но потом был вынужден ее заменить из-за творческих разногласий. Вы колебались, получив предложение прийти на место Бинош?

— Разумеется. Я просила его подождать, подумать, попробовать утрясти разногласия с Жюльетт. Мне казалось, что он сможет обойтись и без меня.

— Вы знакомы с Жюльетт Бинош?

— Нет, и мне не хотелось вмешиваться в интимный процесс отношений режиссера и актрисы. Наверное, для Жюльетт это тоже был очень болезненный момент.

— При этом вы с Жюльетт пользуетесь услугами одного и того же агента. Наверное, ему трудно было найти правильную линию поведения в такой ситуации?

— Это вам нужно узнать у Франсуа-Мари Самуэльсона, нашего агента! Бедняга, я представляю, каково ему пришлось. Тем более что его ввели в курс дела буквально в последний момент, все решалось в неофициальной обстановке. Но вообще-то это не очень редкий случай в кино. Моя карьера началась с того, что я заменила другую актрису. В 1977 году Бунюэль должен был снимать в "Смутном объекте желаний" Марию Шнайдер. Замечательная актриса. Не знаю, что между ними произошло, но Бунюэль заменил ее, причем не одной актрисой, а двумя — мною и Анжелой Молина. Очевидно, мы стали для него разными составляющими Марии.

— Вернемся к "Люси Обрак".

— Конечно, здесь все было по-другому. У Бунюэля я снималась впервые в жизни, здесь я имела достаточно опыта, чтобы трезво оценить обстановку и войти в курс дела. Но все равно это было мучительно. Знать, что режиссер желал другую актрису, сознавать, что ты всего лишь замена. Наверное, на съемочной площадке "Люси Обрак" я до конца постигла истину, что суть актерского ремесла — унижение. Все мы Золушки на балу удачи, и карета может превратиться в тыкву не только в полночь, но и в любое мгновение.

— Вы хорошо были знакомы с Клодом Берри, постановщиком фильма?

— Мы были знакомы, но не по-киношному, а по-семейному. Он был женат на Ани-Мари Рассам, сестре моего первого мужа Жан-Пьера Рассама. Муж погиб в середине 80-х годов, и с тех пор мы практически не встречались. Но я до сих пор помню, что после моей первой роли у Бунюэля Клод посоветовал мне бросить кино. Когда я сегодня напоминаю ему об этом, он ужасно нервничает и уверяет, что я неправильно его понял. Так или иначе, последние десять-двенадцать лет мы практически не виделись, и новости друг о друге узнавали от наших детей — мой сын Дмитрий дружит с его сыновьями Томасом и Жюльеном.

— "Люси Обрак" — ваша первая история любви в кино.

— Вы хотите сказать, что это первая удачная история любви? Обычно в кино мне всегда дадут от ворот поворот! Действительно, впервые я сыграла

Кароль Буке: "Бунюэля я не боялась!"

Тьерри КЛИФА

Россияне недавно видели ее по телевидению в фильме "Слишком хороша для тебя", за который Кароль Буке получила "Сезара". А французы в этом году смогли увидеть ее в ленте Клода Берри "Люси Обрак", рассказывающей об известной супружеской чете, принимавшей участие в Сопротивлении и прошедшей через ужасы гестапо. Накануне премьеры этой ленты Кароль Буке дала интервью французскому журналу Studio Magazine, которое "ЭС" перепечатывает с небольшими сокращениями.

женщину, которая получает то, что хочет и в финале остается с любимым мужем.

— В начале фильма "Люси Обрак" вы говорите: "Чтобы понять человека, нужно знать его прошлое". Не хотите рассказать нам о своем прошлом?

— В моем прошлом нет почти ничего интересного. Отец работал инженером, мама бросила нас и уехала в провинцию, когда мне было 4 года. Мы остались в Париже втроем — папа, сестра и я. Самым ярким воспоминанием детства осталась скука. Постоянная невыносимая скука и одиночество. Наверное, поэтому я с малых лет стала мечтать о чем-то необыкновенном. Я не думала, что стану актрисой, но мне хотелось вырваться из этой жизни любой ценой. В 11 лет меня отдали в монастырь доминиканок. Сестры поддерживали меня, помогли, как могли. Именно в монастыре мне захотелось чего-нибудь добиться, кем-то стать. Но в 13 лет папа забрал меня из монастыря, я снова осталась одна. Папа не мог толком понять меня и сестру, он нас стеснялся, хотя и очень любил.

— Чувствовали ли вы в детстве задатки актрисы? Может быть, вы любите наряжаться или выдумывать истории?

— Наряжаться я не любила. А выдумывать... Скажем проще — врать. Да, я врала. Я постоянно прогугливала школу, потому что бегала в кино. В 15 лет я полдня проводила в кинозале на Елисейских полях. А по вечерам приходила домой, как ни в чем ни бывало. Я пересмотрела все фильмы, которые там демонстрировались, в том числе кучу всякой дряни. Но мне было все равно что смотреть — как только я входила в зал, я переносилась в другую страну, которая иногда называлась Америкой, иногда — Францией. Но это была совсем иная Франция.

— Неужели вы совсем не мечтали об актерской профессии?

— Нет. Мне казалось, что этот мир вообще не существует. Даже когда я поступила в Консерваторию, такие люди, как Бунюэль и Поланский, казались мне неприступными потусторонними существами. Разве могли они быть людьми, есть, пить, дышать? Только когда я столкнулась с ними в реальности, и увидела, что они говорят не только об искусстве, я перестала считать их инопланетянами.

— Что же привело вас в Консерваторию?

— На одном обеде я познакомилась с режиссером Серджо Моати, и он спросил меня, кем я хочу стать. Я почему-то ляпнула — актрисой. Наверное, он был заинтригован — девушка из хорошей семьи, а ведет себя за столом так, словно ее неделю не кормили! Серджо предложил мне помочь подготовиться к экзаменам в Консерваторию и действительно очень помог. Но как только я оказалась в числе принятых, мне стало страшно. Я считала себя полной пустышкой, которую взяли по ошибке. За три года учебы мне удалось сдать только одну сценку!

— Как же вы работали на съемочной площадке у Бунюэля?

— Каждое утро у меня было чувство, что я прыгаю в пустоту. Мне все время казалось, что остальные смеются надо мной за моей спиной. Как ни странно, самого Бунюэля я совершенно не боялась. Наверное, это была дерзость 18-летней девицы, оказавшейся рядом с почтенным 77-летним старцем. Помню, что мне не хотелось его эпатривать, и он не вел себя со мной двусмысленно, как порой делал с остальными. Я выполняла все, что он мне велел, и ждала, когда меня выгонят с площадки. Но этого почему-то не случилось. Сегодня я думаю, что он читал меня — навьюку 18-летнюю барышню — как открытую книгу.

— Вместо того, чтобы воспользоваться первым успехом, вы на год уехали в Нью-Йорк.

— В Париже никто не сказал ни слова о моей игре в "Смутном объекте желаний". В Нью-Йорке все меня поздравляли, восторгались. Поэтому я задержалась там, хотя сначала и не планировала. Меня повсюду приглашали, Энди Уорхол часами объяснял мне какие-то странные вещи и все время повторял "you are magic!" Однажды меня пригласили на обед к Жаклин Кеннеди. Потом — на обед к Норману Мейлеру. Потом — к двум журналистам, которые раскрыли Уотергейтское дело. Я общалась с панк-группами, друзьями Патти Смиг, которые жили в разгромленных квартирах. В те годы я не пила, не принимала наркотиков, и им это даже нравилось, они меня оберегали и защищали. Все это время я не работала. Мне хотелось сниматься у Фассбиндера или с Дэвидом Боуи, но с их стороны предложение не было, и поэтому я просто прожигала жизнь. Но в один прекрасный день поняла, что пора остановиться. Судьба была ко мне благосклонна: я пришла в посольство, одетая в черное, и встретила на пороге Бертрана Блие, который тут же предложил мне сыграть Смерть в фильме "Холодные закуски".

— Вас это не испугало?

— Нет, но это не пошло на пользу моей репутации. Бунюэль говорил мне, что я напоминаю ему одну актрису, которая снималась у него, а потом повесилась! А потом сказал, что его привлекло к моей персоне "французское качество". Я тогда не поняла, что он имел в виду, и только много лет спустя, когда мне предложили подписать контракт с "Шанель", я поняла, что он был прав.

— Был ли в вашей жизни момент, когда вы почувствовали, что становитесь наркоманкой?

— О, много раз! Только в последние годы я чувствую себя в безопасности. Думаю, самый трудный период моей жизни был между 22 и 30 годами. Мне все время казалось, что я в любой момент могу круто изменить свою жизнь по первому желанию, но это желание никак не появлялось. Порой мне приходило в голову, что я должна исчезнуть, уехать туда, где меня никто не знает.

— После "Холодных закусок" вы уехали в Лондон сниматься в джеймсовском боевике "Только для ваших глаз", а потом исчезли с экранов надолго.

— Да, съемки в "Бонде" вымотали меня так, что у меня долго не было желания играть.

— Ходили слухи, что в тот период вы пытались работать с Фассбиндером.

— Это почти получилось. Мы познакомилась в Каннах и договорились о двух проектах. Один из них назывался "Кокаин". К сожалению, Фассбиндер вскоре умер.

— Складывается впечатление, что во французском кино вы стоите немного особняком от остальных актрис. Вас нельзя отнести к поколению Миу-Миу-Адджани — Юппер; нельзя отнести и к поколению Бинош-Берар-Марсо-Боннэр.

— Мне очень грустно это сознавать, потому что мне очень хотелось бы принадлежать к какой-нибудь кинематографической семье. Но мне по душе и полная свобода. Мне всегда казалось, что моя профессия — подарок свыше. Сначала я пользовалась им как ребенок. Но чем дальше, тем легче я рассказывала с экрана чужие истории. Раньше я думала над ролью, но после фильма "Слишком хороша для тебя" все стало получаться инстинктивно.

— Этот фильм стал для вас переломным — он принес вам зрительский успех, признание критиков, "Сезара".

— Думаю, что большая часть заслуг в этом принадлежит Бертрану Блие, написавшему гениальный сценарий и Жерару Денарде. Думаю, Блие специально свел его в этом фильме с той, которая изображала в "Холодных закусках" его Смерть! Сейчас, когда после съемок прошло много времени, я все больше утверждаюсь в мысли, что без Жерара и Бертрана я не смогла бы так сыграть.

— В 30 лет вы говорили, что чувствуете себя лучше, чем в 18. Сегодня, в 39 лет, вы чувствуете себя лучше, чем в 30?

— Да. Правда, не знаю, надолго ли. Мне скоро исполнится 40, но я до сих пор в это не верю!

ПАРИЖ